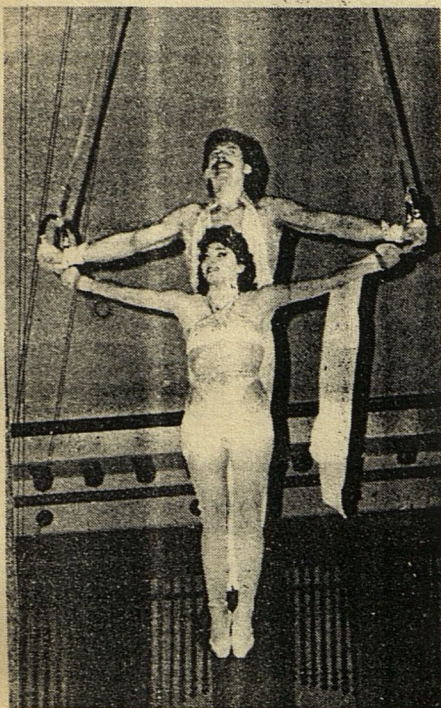
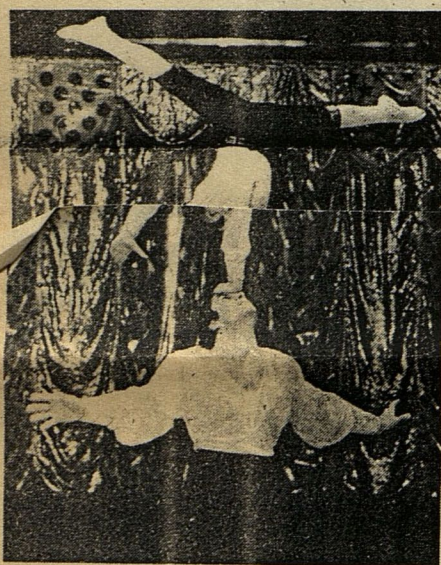

УДАЧНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

На Цветном бульваре закончились гастроли Московского театра эксцентрики. Мне довелось увидеть одно из последних представлений, когда состав участников уже наполовину не соответствовал обозначенному в программе.

ВИКТОРИЯ И ПАВЕЛ ЯБЛОЧКОВЫ

ОЛЯ И ОЛЕГ КАТАМАНИНЫ

ЕЛЕНА И ОЛЕГ КАТАМАНИНЫ

1. О ПРИНЦИПЕ ДЕЛЕНИЯ НА ОТДЕЛЕНИЯ

Спектакль называется "Клоун - Шоу - Цирк" - то ли через дефис, то ли через тире. Цирк - да. Клоун - да. Шоу! Смотри что понимать под словом шоу... А в общем, спектакль удался не вполне. И дело не в том, что здесь есть номера, которые хочется ругать. Таких нет: уровень представления, даже по столичным меркам, очень приличный. Но здесь весома доля номеров, о которых просто неинтересно вспоминать - и не столько сами они скучны, сколько невыгодно их место в представлении.

Так, сложный для восприятия номер эквилибристов на перьях оказался в самом финале первого отделения - перед антрактом, когда зритель уже устал и шарит по залу взглядом, соображая, по какой лестнице удобнее выйти в буфет.

Почти все второе отделение составлено из номеров "спортивных" жанров, что делает вторую половину представления неизмеримо более скучной, чем первая. И хотя все заканчивается очень привлекательным для малышей номером с мишками, но утомление от бесконечных гимнастов-акробатов столь велико, что и медвежата уже не радуют. А в номере Черниевских работают именно медвежата - смешные и старательные малыши - очаровательные уже сами по себе, помимо исполняемых ими трюков. Номер этот вполне добротный: не лучше и не хуже других, да только зритель уже устал...

Короче, второму отделению далеко до первого, где жизнь бьет ключом, где номера подкупают задором и темпераментом. Легко работают, красиво.

Если следовать невольной логике постановки, то сортировка первого отделения я присвоила бы прекрасному воздушному номеру Яблочковых, нежному, с тонко продуманными трюками, с безукоризненной работой на кольцах и прочальным "свадебным" взмыванием двух - словно обручальных - колец под купол. А вот "Ансамбль собачьей песни" Сергея Богуслаева переставила бы во второе отделение, чтобы незадачливый юмор этого номера оттенил прохладную четкость акробатического номера. Принцип номера - показать собачек естественными, делающими только то, что им самим вздумается и мешающими дресс-

сировщику проводить музыкальные занятия. В общем, это удается в меру, хотя сам Богуслаев держится менее естественно, чем его питомцы, слишком "на публику" и, видимо, не относится к тем актерам, которые "и собаку переиграют"...

Очень хорошо построен драматургически - чуть ли не наделен интригой - номер антиподистки Тамары Пузановой. Цирковой трюк тут естествен как дыхание, а игра не вымучена.

Светлый и грациозный номер у акробатов Печинских. Завораживающие неправдоподобной сложностью и изяществом трюки исполняет хрупкий мальчик. Вадим Печинский работает легко и виртуозно. И кроме того, он очень красив. Ребенок в цирке вообще производит выгодное впечатление: только у него подлинно гармоничная фигура без чрезмерных мышечных бугров, несоразмерно широких плеч. Детская легкость и стройность в сочетании с артистизмом и чистой трюковой работой будит ассоциации с парящим ангелом.

Владимир Гашута на ренских колесах приковывает к себе внимание и покоряет сразу. В его номере нет ни четкой фабулы, ни "дополнительного" обыгрывания снаряда, но его работа увлекает совершенно: так весело и темпово проходит номер. Пожалуй, кому-то после просмотра может показаться, что ренское колесо - самый удобный способ передвижения, уж во всяком случае - самый легкий. Пусть попробуют...

"Черты XXI века" - на то и черты, чтоб быть озорными, шальными, задорными. Номер у Катаманиных очень симпатичный, хотя не вполне понятно его название. Милые типажи, хорошие костюмы. Но от "чертей" ждешь все же чего-нибудь похлеще. И когда один из хвостов цепляется за педаль моноцикла, хочется воскликнуть: ну обыграй! закрепи! вывернись! Но - увы - зацепившийся хвост - обычная накладка. А если костюм мешает работе, - что пользы в таком костюме?

Возможно, в исходном варианте программы второе отделение было не хуже первого, но мне этот вариант посмотреть не удалось.

А еще вторая половина представления проигрывала за счет того, что в ней было всего лишь две клоунских репризы.

2. ТЕАТР ОДНОГО КЛОУНА

Объявили его так: "Клоун Антон П.". В программке, приобретенной за полтинник, конечно же, никакого Антона П. не было прописано - и вообще ни одного Антона. В первом варианте программы этот Мистер П., стало быть, занят не был. Бедные зрители! Они были в неведении до конца представления...

Но я-то знала: коверный - Антон Пилосян.

Кто же не знает Пилосяна! Оказывается, не знает почти никто. И я видела впервые, хотя своя братия журналисты давно гудели о нем.

И вот вышел на манеж Актер Милостью Божьей, человек армянской внешности и абсолютно западного типа. Актер-универсал, которому, кажется, и делать ничего не надо: достаточно просто появиться - и тысячеглазое чудовище зрительного зала, которое надо завоевывать, развлекать, изумлять, сразу сдается без боя.

Такого клоуна мне видеть еще не приходилось. Это клоун-личность, клоун-философ, клоун-поэт, клоун-сатирик, клоун-комик. Это артист с большой буквы. Он способен создавать шоу из ничего, извлекать гомерический хохот прямо из душного воздуха зрительного зала. Он способен заставить думать и заставить рыдать.

Необыкновенна его пластическая раскованность - кажется, он умеет летать! - тем более поразительная, что живет она в клоунском почти кубическом теле; необыкновенна его внутренняя свобода; необыкновенна его интеллигентность, если понимать под этим словом ту же удивительно достойную свободу, то же умение будоражить мысль и чувства добрые пробуждать не лирой, а какой-нибудь гирей или мячиком на резинке. Необыкновенны его интеллектуальность, вкус и мера, по которым - как человек ни рядись - его за версту опознаешь: легко скрывается только глупость, ум не утаишь. Необыкновенно

и множество его умений, хотя он мог бы не иметь ни одного и вовсе обойтись без трюков: его мимика, интонация, пластика так выразительны, что на этого актера можно смотреть до бесконечности - лишь бы не уходил с манежа. Он актер милостью Божьей - это хочется повторить еще раз.

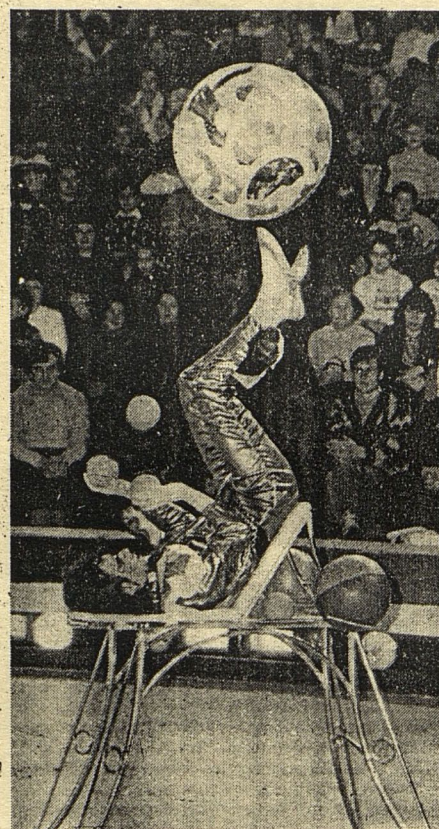
У Пилосяна незаурядная внешность. Он странно колоритен - это не теплый и лукавый южный колорит, это качественный знак человека вообще, - клоунская маска или собственное лицо? Наверное, у большого актера не так просто отделить лицо от маски. Он один - целый театр, целая труппа с собственными трагиком, комиком и простаком, с собственными сценаристом, режиссером, музыкантом, акробатом и дрессировщиком. Кажется, не существует выразительного средства, которое было бы недоступно Антону Пилосяну.

Пересказывать репризы - дело неблагодарное, даже если ты наделен адекватным описательским даром. На то и существует зрелище, чтоб осязать его глазами. Кто не видел, достоин искреннего сожаления. Кто видел - счастлив. Мне свидание с этим артистом дало удивительное счастье понимать: вот человек, который останется другом на всю жизнь.

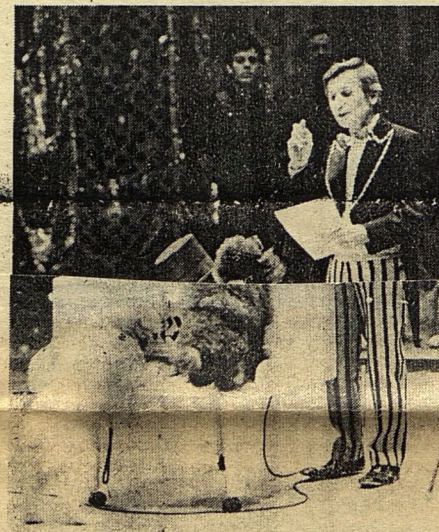
Играла музыка, сменялись номера. Потом настал антракт. Снова заиграла музыка... А я ждала: когда же опять появится Клоун. Мне хотелось видеть его все время, вместе со всем залом кричать по его знаку, хохотать и печалиться. Хочется и сейчас...

А потому я считаю, что видела очень удачный спектакль.

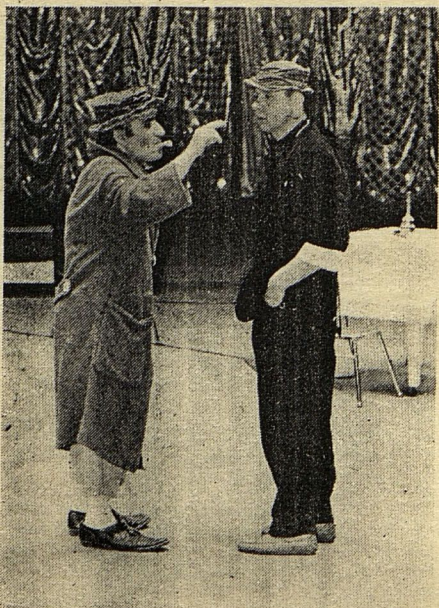
И.ДУГИНА
Фото Г.ПОЛЯКА

ТАМАРА ПУЗАНОВА

СЕРГЕЙ БОГУСЛАЕВ

АНТОН ПИЛОСЯН И
АЛЕКСАНДР ЖЕРОМСКИЙ